

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ДЖАМБУЛ

МОСКВА - 1946

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Д Ж А М Б У Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА — 1946

ЖИЗНЬ ДЖАМБУЛА И ЕГО ЭПОХА

Джамбул умер в то время (22 июня 1945 года), когда Казахстан уже готовился праздновать его столетний юбилей. Он родился еще при жизни Жуковского и Гоголя. Он был современником Шевченко и Некрасова, Тургенева и Герцена, хотя и не подозревал об их существовании. Он был одноклассником Абая Кунанбаева, основоположника современной казахской литературы. Они оба, Джамбул и Абай, стоят у истоков казахской литературы, ее обеих рек: письменной речи и устного слова.

Джамбул родился тогда, когда в России еще существовало крепостное право, старинные дормезы, николаевские жандармы, когда писали гусиным пером и о Казахстане даже в Москве и Петербурге имели весьма смутное представление.

В те далекие времена казахская степь жила еще своей средневековой патриархальной жизнью, полудикой, но сложной, о чем так хорошо написал Мухтар Ауэзов в своем романе «Абай».

Джамбул был истинным сыном этой степи, ее молвой и легендой. Отец мальчика, бедный кочевник Джабаев, назвал сына по имени горы, давшей приют.

«Вокруг — куда ни достигал глаз, — вспоминал впоследствии Джамбул, — были голые степи. В детстве я ни разу не видел ни поля, ни садов, ни арыков. Степь была моей родиной... Вырос я в юрте. Как и всех казахских ребят, меня вместе с люлькой перевозили с кочевья на кочевье».

А свой закат Джамбул вместе со всем своим народом встретил на такой вершине, откуда его

увидели все, и он узнал весь мир. Джамбул приобщился ко всем достижениям века радио и моторов. Никогда ранее не покидавший родной степи, Джамбул, уже будучи девяностолетним стариком, дважды приезжал в Москву, совершил путешествие на Кавказ и побывал в Гори, на родине Сталина. Он узнал жизнь людей других национальностей и, наконец, увиделся в Москве со Сталиным. Джамбул был не просто рядовым человеком эпохи, но по своему политическому сознанию, по кругу своих интересов и чувств сумел «стать с веком наравне».

Между началом и концом этой удивительной жизни легла громадная эпоха в истории его родного народа. Джамбул поистине стал живым олицетворением этой истории. Тарас Шевченко говорил о себе: «История моей жизни составляет часть истории моей родины». Эти слова с полным основанием мог бы повторить о себе и великий казахский акын. Можно не сомневаться, что обильная плодами жизнь его станет предметом изучения не только исследователей — историков и литературоведов, но привлечет к себе поэтов и романистов, потому что каждый шаг ее полон смысла и будит воображение.

Разумеется, не только потому, что Джамбул дожил почти до ста лет. На свете немало дрезних стариков. Величие Джамбула заключается в том, что он сумел стать как бы сознанием самого народа на сложнейших этапах его исторического развития. В поэзии Джамбула, точно в зеркале, отразилась жизнь народа за целое столетие — национально-освободительная борьба в прошлом, утверждение социалистических побед сегодня.

Время, на которое пришлась большая часть жизни Джамбула, несмотря на патриархально-родовой уклад казахов, несколько не напоминало патриархальной идиллии. Это было время жестокой междоусобицы феодальных родов, проникновения в степь капитализма, начала национально-освободительной борьбы.

В поэме «Родина моя» Джамбул делает свое-

образный исторический обзор того, что произошло на его памяти: «Девяносто Джамбулу лет, много в памяти черных мет».

Пока казах казахом стал,
Ханов немало я повидал.
Немало законов душило нас,
Не зная ни жалости, ни стыда.

В эти душные времена
Появляется вóлостной,
За ним — мирза, потом — старшина,
Потом подымает сильный лай
Аульный староста-аулнай,
И, наконец, распялив чин,
Распыжился бай, старшина из старшин.

(Перевод И. Сельвинского)

«В белой юрте из белой кошмы этого бая видели мы». А как жили его рабы, слуги, батраки?

Бедный джигит, сын бедняка,
Голодные подтянув бока,
На голое тело надев чекмень,
Байский скот пасет целый день —
Летом в жару, зимою в буран.

Да, так жил в детстве и сам Джамбул, купая байских ягнят, а его мать раздувала костер бай-бише (жене хозяина).

В казахской и киргизской литературе эта эпоха (вторая половина XIX века) даже получила характерное наименование — «эпоха скорби» («зар-заман»). В фольклоре сохранилось множество таких «скорбных песен» — «зар-заман». Казахские акыны-борцы, как, например, Мурат, Шортамбай, Дулат и другие, звали народные массы к борьбе с царизмом и феодальной знатью. Были, однако, и другие акыны и писатели-«книжники» (Шаады и др.), которые становились подголосками своих угнетателей, воспевали их богатства, сочиняли эротические стихи, щекотавшие слух сытых.

Джамбул принадлежал к тем передовым акынам, чье поэтическое слово на протяжении всей их жизни будило революционную энергию народа. И подобно тому, как губернаторы и дворяне на севере ждали со страхом прихода новой книжки «Колокола» Герцена, боясь появления там разоблачительной заметки, так в степи в те же годы многие баи ждали со страхом каждой новой песни Джамбула.

«Песня в степи — огромная сила, — рассказывал впоследствии Джамбул. — Баи и манапы боялись, что в своих песнях я пушу про них худую славу и вся степь запоеет вместе со мной».

Однажды один из богатых коневладельцев Пуртай, унизивший своего табунщика, испугался обличительной песни, сложенной против него Джамбулом, и сказал ему:

— Я ошибся, Джамбул. Твои слова заострены против меня, как стрелы. Я забыл о горе, причиненном мне табунщиком. Будем мирно беседовать.

«Но я, — рассказывает Джамбул, — повернувшись к баю спиной, ушел, не сказав ему ни слова».

В 1913 году уездные власти города Верного, ныне Алма-Ата, призвали известных акынов и предложили им сочинить славословия дому Ромацовых в связи с его трехсотлетием. Джамбул отказался от подобного «социального заказа». Более того. Вместо песнопений в честь Николая II Джамбул запел на празднестве песни о батырах, ведших борьбу с царизмом, таких, как Суранши, Сыздык и другие герои казахского народа. Дело кончилось тем, что Джамбул был избит полицией и выгнан с собрания.

В эти годы Джамбул чувствовал себя уже стариком и как акын должен был сойти со сцены. Впрочем, дадим слово ему самому. В «Автобиографии», записанной с его слов, он картинно рисует рубеж своей жизни и свое поистине символическое возрождение:

«В 55 лет мне стало худо. От старости и тяжелых условий жизни я стал сутул, как старый

беркут, глаза померкли, а голос ослаб. Вместо домбры у меня в руках появилась палка. Вместо широкой степи — узкая постель. Я угасал, бессильный петь хорошие песни... Когда мне исполнилось 70 лет, я увидел светлую зарю новой жизни. На землю пришла правда для всех живых существ. Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне.

Почувствовав прилив свежих сил, взял я в руки домбру.

Вернулась моя молодость, и я запел... Я был свидетелем рождения новой страны — Казахстана, о чем мечтали целые поколения и о чем пели лучшие акыны.

Только в 80 лет жизнь мне открыла глаза на многое, чего я не понимал. Жизнь началась для меня снова. Я переродился и стал петь, как двадцатипятилетний юноша... Это возрождение моих сил принес мне вождь угнетенного человечества Сталин, давший счастье всем народам. Я первым вступил в члены колхоза. О колхозах я пропел сотни песен, и они полетели по степям, потому что шли они от самого сердца».

Так в советские годы, уже будучи в том преклонном возрасте, когда большинство людей угасает не только творчески, но и физически, Джамбул начал поистине новую жизнь, исполненную прилива духовных сил, украшенную творческим цветением.

И поэзия Джамбула, поэмы, песни и стихи, им сложенные, переведенные на русский язык и печатавшиеся в центральных газетах, сделали известным имя великого акына во всех углах Советского Союза и привлекли к нему сердца миллионов советских читателей.

ИСКУССТВО АКЫНА

Вплоть до самой революции в казахских и киргизских гулах певец-импровизатор (акын) и исполнитель песен (жирши) или «Манаса» (манасчи) играли роль организатора общественного мнения. Сочиняя песни на злободневные темы, они играли в степи роль своеобразной газеты. До сих пор в памяти казахского народа хранятся имена, песни и мелодии знаменитых акынов и композиторов прошлого века. Таков, например, Ыклас Даукин (1843—1916), автор песен «Ак-ку», «Жалгыз-аяк». Ыклас исполнял свои произведения на кобызе. Таков другой современник Джамбула Мукит Мерляев (1841—1918), автор широко популярной до сих пор «Алуаш», «Дунне ай», «Бала ораз» и многих других песен.

Таков Жану-Муса Байжанов (1838—1929), который, как и Джамбул, горячо встретил приход советской власти, был и акыном и композитором, человеком кипучей революционной энергии. Муса был сподвижником Чокана Валиханова. Вместе с ним, в качестве солдата русской армии, он принял участие в походе на Ташкент в отряде генерала Черняева. Бежал вслед за Валихановым. Несколько раз Муса был арестован царскими властями. Его ненавидела байская знать, которую он высмеивал в своих песнях. Таков был, далее, Сары Барак (1863—1895). Он неоднократно попадал в тюрьму за смелые свои песни. Сары был убит караульными солдатами по дороге к месту ссылки.

Таким, наконец, был один из наиболее знаменитых народных композиторов и акынов-лириков Ахан-сери Корамсин (1843—1913). За мужество, красоту и благородство его поэзии он был прозван «сери», что значит — рыцарь. Он действительно был «рыцарем без страха и упрека». Воспитанник медресе при мечети своего дяди, Ахан рано ушел от родных. Он стремился в песне вылить протест против рабства и нищеты народа, беззастенчивой эксплуатации и притеснений его. Ахан-сери отка-

заялся от духовной карьеры муллы и стал странствующим певцом. Широко популярные в народе мелодии Ахан-сери «Кулагер», «Сырымбет», «Кара-Торгай», «Ак-Сайсак» и многие другие вошли в созданные при советском строе жизни казахские оперы. Лирические стихи Ахан-сери, записанные со слов колхозников по аулам, вышли отдельной книжкой в 1935 году в Алма-Ата.

Яркой фигурой, человеком неустойчивой творческой силы, борцом, музыкантом, певцом, рассказчиком, оратором, был знаменитый Балуан-Шолак, «беспальный акын», о котором написал роман Сабит Муканов.

В годы, когда рождалось и формировалось искусство Джамбула, в степи жили и творили Суюмбай, Арстанбек, Сатпай, Кочракпай, Кулымбет, Сарбас, Болык, Досмагамбет, Шоонды и многие другие акыны.

Стихия народного искусства, жившая в степи испокон веков, родила и воспитала Джамбула. Он рассказывает, что очень рано, еще в детстве, проснувшись в нем любовь к вольной песне, которая пьянит воображение и дает человеку крылья. От природы он был наделен звучным, сильным голосом. Брат отца, дядя Джамбула, был известным домбристом. Мальчиком Джамбул научился играть на домбре и уже в четырнадцать лет решил уйти из дому и стать певцом. Однажды в аул приехал известный акын Суюмбай. Джамбул, которому тогда исполнилось пятнадцать лет, взял домбру, подошел к юрте знаменитого певца и стал петь «жара-пазан», обрядовую мусульманскую песню.

Суюмбай сказал Джамбулу:

— У тебя есть способности быть акыном. Ты обладаешь хорошим голосом. Слова, которые ты поешь, выбраны очень удачно.

«Суюмбай, — рассказывает в своей автобиографии Джамбул, — пообещал мне помочь и любить меня. Это был самый счастливый час в моей жизни. Целую ночь Суюмбай рассказывал мне о трудном мастерстве акына. Так я стал учеником

Суюмбаю, которому было в то время 50 лет. Случалось, что, выезжая в аулы, Суюмбай брал меня с собой. Я жадно учился. С тех пор до последних дней, выступая с песней, я всегда вспоминаю имя своего учителя с чувством благодарности. С Суюмбаем мы жили очень дружно. Я пел сложенные им песни. Только шестнадцати лет я решил выступить самостоятельно... Я бродил по кочевьям, расположенным по берегам Чу. Пел народные былины, сказания, поэмы — произведения других акынов и свои собственные песни».

Молодой акын Джамбул усваивает богатую фольклорную культуру Востока. Он выучил наизусть и стал исполнять великие героические сказания «Кобланды-батыр», «Ер-Таргын», «Кер-Оглы», иранские и арабские сказания, переведенные неизвестными переводчиками на казахский язык. Джамбул исполнял множество лирических песен: «Козы Корпеш и Баян Слук», «Лейли и Меджнун», «Кыз-жибек», десятки легенд.

«Веками было заведено, — рассказывает Джамбул, — что акын-импровизатор должен был знать обо всем: все роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен был откликаться на все новости и уметь учитывать обстановку. Остроумие и находчивость — вот что ценится в акынах. Кроме того, он должен быть хладнокровным. Осыпаемый злейшими насмешками, акын должен оставаться спокойным.

Я учился, — говорит Джамбул, — всему этому. Встречался со старыми и прославленными акынами казахских и киргизских степей — Кочракпаем, Шоонды, Арстанбеком, Шантаем, Кажамберды, Сатпаем, Азетом, Балуан-Шолаком.

Однажды я встретился со старым своим учителем Суюмбаем. Он выслушал мои импровизации и сказал:

— Ты увлекаешься чужими мелодиями. Это плохо. Большой акын должен иметь свой голос. Измерять землю своим аршином. Каждое твое слово должно разить, как кинжал. Никогда не

лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца.

Глубоко задумавшись над словами своего учителя, признав их правоту, я стал следовать этим мудрым указаниям. У меня появилась своя мелодия, я нашел свои слова, мое песенное мастерство окрепло. Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво мог петь только о себе и о народе. И песни мои полетели по всему Джетысу, как вольные птицы...

Во время своих скитаний я везде и всюду слышал знаменитое имя акына Кулмагамбета. Он был первым акыном Джетысу, потому что победил всех акынов. Слава его гремела по всем казахским и киргизским степям. Однажды я поехал в кочевья колена Албана (из рода Дулат), где жила женщина Шарипа, прекрасная, как Баян-Слу. В это время происходил той двух родов — Аолбана и Уймына, на котором выступал знаменитый Кулмагамбет. За мной послали двух лошадей, и я приехал на той.

Кулмагамбет сидел в белой богатой юрте на ковре в окружении самых знатных людей. Они пили кумыс и были веселы. Вид у Кулмагамбета был гордый и самодовольный, потому что он победил в состязании многих выступавших там акынов. Увидев меня, он начал подсмеиваться надо мной:

— Смотрите на Джамбула — какой он черный, курносый и как он бедно одет. Разве он не позорит свое имя Джамбул, известное всему народу.

Началось состязание. Кулмагамбет начал похвально в песнях дружбой и уважением к нему знатных людей. Он перечислил многих родоначальников, баев, волостных управителей. Он превозносил их выше небес.

Потом запел я. Я вспомнил совет Суюмбая и не стал фальшивить и лицемерить. Я повторил знатные имена, только что произнесенные Кулмагамбетом и давал им оценку, какую заслужили они у народа. В моей песне все эти гордые и

чванные люди были названы конокрадами, убийцами, ворами, лжецами, несправедливыми людьми. Мои слова были язвительны и насмешливы. Они вызвали среди окружающих веселый смех. Я пел, не устая, и слушатели все больше и больше выражали свое олобрение. Так я победил дотоле непобедимого Кулмагамбета и стал первым акыном Джетысу. После этого я участвовал во многих больших состязаниях акынов и не знал поражений. Я победил знаменитого акына Шашубая, первого акына Киргизстана — Балгу, даровитого и неукротимого Сар-Ырыс, непобедимого Сарбаса и многих других. Я знал только одно поражение, но это было состязание не в песнях, а в кюях (музыкальных пьесах). Меня победил киргизский домбрист Оразалы, не умеющий слагать песни, но прекрасно играющий на домбре».

Это было в 1898 году. Все главные даты в творческой жизни Джамбула обозначены участием в поэтических состязаниях (айтысах). Искусство Джамбула мужало в этих состязаниях, оттачивалось в идейном и художественном отношении. К пятидесяти годам Джамбул стал признанным мастером народной поэзии.

ПОЭЗИЯ ДЖАМБУЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Большая часть произведений Джамбула, созданных им в старые годы, естественно, не сохранилась. Тогда не было ни стенографистов-секретарей, ни фольклористов казахов, которые бы, как в последние годы, бережно записывали и сохраняли все созданное Джамбулом. То, что сохранилось из прошлого, сохранилось по аулам в памяти отдельных людей, в свою очередь слышавших песни и поэмы Джамбула из вторых или третьих рук. Кое-что сохранилось и в памяти самого акына. Еще до сих пор ведется запись джамбуловского поэтического наследия, которое продолжает жить в степи.

Это наследие разнообразно по жанрам. Джамбул был автором крупных эпических поэм, легенд, героических сказаний, небольших лирических песенок, сатирических, обличительных сценок. Джамбул был большим мастером айтыса. Можно только пожалеть, что многочисленные айтысы, в которых участвовал Джамбул, в большинстве утрачены и для нынешнего читателя и для науки.

Джамбул, участвуя в поэтических состязаниях с другими акынами, не становился на путь мелкой перебранки со своим противником. Он стремился возвысить душу слушателей-судей величием поэтических картин, увлечь их воображение красотой создаваемых сюжетов и героическими образами своих героев. Поэтому Джамбул весьма часто обращался в своих поэмах к истории казахского народа, останавливаясь на таких личностях, деятельность которых воспитывала бы в слушателях чувство патриотизма, вливала бы веру в родной народ.

Одним из немногих старых айтысов, полностью сохранившихся и записанных, является айтыс между «Джамбулом из рода Шапрашты и акыном Сарбасом из рода Дулат-Каскарау», который происходил в городе Верном в 1895 году. Поэтические речи обоих противников дают возможность представить даже внешнюю обстановку состязания и весь характер традиционного поэтического праздника казахов¹.

Сарбас, старый, очень известный, богатый и знатный акын, начинает свое выступление с традиционного унижения противника и восхваления самого себя.

Слово одно я, войдя, произнес,
Сокола словно с собой принес, —
Так отчего же ты бежал, —
Черный карлик, задравший нос?

¹ Оригинал айтыса хранится в Институте литературы и языка Казахского филиала Академии наук СССР. На русский язык айтыс был переведен Ильей Сельвинским (см. журнал "Октябрь" № 2, 1941 г.).

Я — великий Сарбас! Ну, а ты?
Мой язык — ледяной кинжал!
Где же тебе тягаться со мной,
Нищий из племени Шапрашты?

Сарбас издевается над своим противником. — Он спрашивает окружающих слушателей: этого «жмущегося среди вас, бледного, как под дулом ружья, наверное, шепчущего Коран, вы припасли не для того ли, чтоб я при всех заглота́л бы его, как черную ящерку серый варан?» Затем Сарбас обращается к своим предкам из рода Дулат и перечисляет подвиги и достоинства его представителей. Все это знатные баи и беки, чье могущество простирается до самого Джаркента. И свою речь Сарбас заканчивает насмешкой над противником: «Сможет ли твой грубый гу́л одолеть пред ликом гостей очарование песни моей? Ага — бледнеешь! Ага — дрожишь! Отчего ж не ушел — стоишь? Э! Ты! Шапрашты!» И Сарбас хохочет.

Темперамент, победоносная насмешливость Сарбаса и уверенность его в славе рода Дулат действительно могли производить впечатление на слушателей, если даже не говорить об искусных и ярких метафорах. Но когда читаешь ответное выступление Джамбула, понимаешь, в чем именно заключалась сила его поэтического слова,

Начал Джамбул с того, что сразу отвлек внимание слушателей одной историей, как будто не имевшей никакого отношения к спору. Однажды в жаркий полдень в Алма-Ата на лужайке перед волостным правлением собрался разный народ и среди них мирза Ногайбай, который, дуя на пальцы, хлебал «кокчай засаленным ртом». И вот тут-то в толпе появился акын, «если просто сказать, то я». Ногайбай согласился выслушать его пенье и игру на домбре, «не размыкая век», но с условием: если не понравится, то он ударит камчой по башке певца. Джамбул поет о своей бабушке Домалак. История бабушки изобилует трогательными и даже сказочными элементами. Когда Домалак изменяет мужу, гибнут восемь

старших ее сыновей, а новый ее сын оказывается одним из тех людей, которыми хвастал Сарбас. Так Джамбул сначала посрамляет своего противника тем, что он не знает даже истории рода Дулат.

«Я — акын Сарбас!» — ты поешь,
Словно хлеб на груди печешь.
Экий ты, вялоокий ты,
Высохший, впалощекый ты!
Где же твой великий дед,
Взвевший знамя, как пожар?
Покажи хотя бы след!
Э! Не выше вы травы,
Никого не ведете вы.

И Джамбул переходит к своему роду Шапрашты. Не богатство, не кичливость, а патриотизм — вот чем славны сыны рода Шапрашты. И между ними батыр Саурык, отстоявший казахов в годы нашествия киргизских манапов.

Для тебя Шапрашты — это род,
Для Саурыка — частица одна
Того, что есть казахский народ.
Не понимаешь этого ты,
Невидящий ничего урод.
Когда врага громил Саурык,
Был и дулатам мил Саурык.
Сам ты следовал бы за ним!
Весь казахский наш народ
Саурыка считал своим.
Был Саурык не только удал,
Умудренным был Саурык!
Все, что рассыпано — собирал,
Все, что разметано — подметал.
Все, что развеяно — вновь свивал!
Этим он перед нами велик,

И дальше говорит Джамбул о себе, что он учит народ добру, потому он и является «настоящим казахом». И только в заключение своей поэтической речи, развернув перед слушателями-судьями в ярких образах целую программу,

показав свое мастерство рассказчика, Джамбул срамит Сарбаса по всем правилам традиционных перебранок:

Мальчишество на уме у тебя.
Рот твой, вечно шевелясь,
Изливает сплетни да грязь...
Бабе что-то в твоей судьбе!
Слову поэта цены не познав,
Полпросту изболтался ты,
Достоинство к поясу привязав,
Как жаба, ушедшая в мир темноты.
На мой крючок попался ты.

В этом поэтическом состязании победа была признана за Джамбулом, и ему была вручена награда — 150 рублей, по тому времени довольно крупная сумма.

Одними из наиболее популярных дореволюционных произведений Джамбула являются его поэмы о Суранши и об Утегене (или Отегене). Суранши в середине прошлого столетия возглавлял борьбу казахов Семиречья против кокандских ханов. Поэма о Суранши была сложена Джамбулом примерно на рубеже нашего века. Джамбул снова ее пропел в новой редакции в 1938—39 гг. В поэме весьма красочно описываются две большие битвы, в которых участвовал Суранши.

В казахском фольклоре мы порой видим смешение в одном лагере народных героев и людей, хотя и стяжавших себе громкую военную славу (вроде султана Каратая, Есета Қотибарова, отчасти Кенесары и др.), но на деле являвшихся выразителями интересов феодально-байской верхушки. Интересно, что Джамбул в своей поэме о Суранши (в ее редакции уже советского времени) выделяет в его истории черты, характеризующие батыра, прежде всего как патриота своей родины, ее защитника, а не как участника в агрессивных действиях казахского военачальника Кенесары.

Одним из лучших по художественным достоинствам дореволюционных произведений Джамбула

является поэма об Утеген-батыре. Утеген (или Отеген) — тоже историческое лицо. Он жил в первой половине XVIII века и оставил по себе добрую память в народе, как человек, который в один из самых тяжелых периодов жизни казахов своими воинскими подвигами и своими поисками «страны обетованной» указывал народу путь. Однако поэма Джамбула довольно мало сохранила от этой исторической основы. Герой поэмы — фигура чисто легендарная, стоящая ближе к образам и героям казахского эпоса, нежели к реальному, историческому Утегену.

В письме к товарищу Сталину от казахского народа (см. «Известия» от 6 октября 1936 г.) говорится: «Была у казахов до революции легенда о вечном путнике Коркуте. Ходил он по всей казахской земле, бродил всю свою долгую, Аллахом проклятую жизнь, и везде, где собирался остановиться, его встречала вырытая для него могила». Вот этот кюйши (сочинитель мелодий) Коркут, искавший средства от «великого бедствия» и даже от смерти самой, искавший для народа некую прекрасную страну, победитель чудовищ и драконов, этот Коркут и послужил Джамбулу отдаленным прообразом для поэмы об Утегене.

Акын, как водится, относит рождение героя к своим местам Джетысу. Он из рода Дулата, семейства Сырымбета. И как полагается эпическому герою, Утеген уже с детства наделен необыкновенными качествами. В батыре рано развились «ловкость барса, слух джейрана, зрение беркута и сила непокорного арстана»... В русском переводе поэма об Утеген-батыре звучит примерно в духе переведенной И. Бунинным «Гайаваты» Лонгфелло, что, конечно, не дает соответственного представления о казахском оригинале с его силлабическим строем, мужскими рифмами и прозаическими вставками. Однако и в русском переводе сохранен весь метафорический строй поэмы. Утеген был горячим патриотом своей родины:

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Поэма повествует далее о том, как в XVIII столетии степь «постигло лихолетье».

Утеген решил искать для своего народа край чудес, «обетованный рай». Собрав дружину в пятьдесят отборных жигитов, Утеген отправляется в путь. Во многих краях побывал батыр. Много препятствий было на его пути. Но Утеген, подобно Одиссею, побеждает их. Наконец жигиты находят обетованную землю. «Здесь кояны крупнее козлов, воробьи здесь размеров с орлов».

Но затем следует любопытная деталь: Утеген не находит в этом прекрасном, еще «нетронутом мире» такой травы, какая необходима коням:

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Так «умерла в батыре мечта». И он ушел, так и не обрета, подобно Коркуту, себе покоя.

В редакции поэмы «Утеген-батыр», записанной со слов Джамбула уже в советские годы, имеется довольно большой новый эпилог, представляющий собой обращение поэта к своему легендарному герою. «Я, Джамбул из степей Джетысу, тебе новые вести несус». Это вести о том, как расцвел Казахстан в советские годы:

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!
Разогнул свою спину казах
И почувствовал солнце в глазах,
За спиною не стало горба,
Человеком он стал из раба.

Так в поэме сказочный элемент переплетается с реалистическим началом, фольклорные мотивы непосредственно получают продолжение, символическое разрешение в событиях наших дней. И этот прием становится в дальнейшем одним из основных в поэтике Джамбула.

ДЖАМБУЛ В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА

В первые годы утверждения советской власти в Казахстане Джамбул пережил поистине второе рождение. Нельзя не удивляться нарастанию и размаху его поэтической деятельности в советские годы. Первое большое публичное выступление Джамбула, после того как он снова взял в руки домбру, состоялось в 1924 году в Алма-Ата на всеказахском тое и айтысе акынов по случаю четырехлетия советской власти в Казахстане. Джамбул спел песни во славу Красной Армии, во славу великого батыра Лепина. И в дальнейшем Джамбул принимает близкое участие во всех сколько-нибудь значительных событиях в стране. Через три года (в 1927 году) он участвует в проведении земельноводной реформы, которая в условиях Средней Азии имела громадное революционное значение. Поэтическим памятником этих лет явилась одна из лучших толгау (поэма) акына «Течение времен». В 1929 году Джамбул вступает в колхоз и слагает много песен о колхозах.

В 1934 году состоялся в Алма-Ата первый республиканский слет мастеров казахского национального искусства. На слет съехались прославленные акыны Нурпеис Байганин, Умурзак, Доскей, Шашубай — давний соперник Джамбула на айтысах; из молодых — высокоталантливый Иса Байзаков, певец и музыкант, замечательный импровизатор, как человек хорошо грамотный записывающий и обрабатывающий свои импровизации. Джамбул снова завоевывает первенство, побеждая своих соперников способностью откликаться на все явления советской жизни, идейностью и глубиной своего искусства. Произведения Джамбула начинают появляться в русских переводах.

Но всенародная слава старого акына начинается с 1936 года, когда он приехал в качестве участника декады казахского искусства в Москву.

Перед декадой в Алма-Ата состоялся своеобразный отборочный айтыс.. На нем Джамбул спел свою толгау «Родина моя», через несколько дней поэма была напечатана в газете «Социалистик Казахстан», а 7 мая появилась в русском переводе на страницах «Правды». С этого времени произведения Джамбула начинают регулярно появляться в центральных газетах, и он приобретает всесоюзную известность. Вместе с участниками декады Джамбул был в Кремле на приеме у товарища Сталина. Правительство наградило девяностолетнего акына орденом Трудового Красного Знамени. В Москве Джамбул сложил новые песни о Ленине и Сталине, о Красной Армии. Одной из лучших его песен этого периода является «В мавзолее Ленина».

В 1937 году Джамбул совершает второе большое путешествие. Он едет на Кавказ, на юбилейные празднества по поводу 750-летия поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», посещает Гори — родину Сталина. В дороге Джамбул слагает новые песни: «Родина Сталина», «Ворошилов», «Чапаев» и другие. Семидесятилетний юбилей поэтической деятельности акына в 1938 году празднует вся страна, правительство награждает его орденом Ленина. В дни своего юбилея Джамбул получил приветствия от деятелей искусств зарубежных стран. В декабре 1938 года он снова приезжает в Москву, встречается с М. И. Калининым. Памятником этой поездки явились песни о столице советских народов. В 1939 году Джамбул вместе со всеми передовыми писателями СССР снова награждается орденом («Знак Почета»). В 1941 году Джамбулу присуждается Сталинская премия.

Творчество Джамбула в советские годы может быть живой иллюстрацией тех глубоких изменений, которые произошли в устной народной поэзии в эпоху великого обогащения народной жизни.

За советские годы Джамбул сложил более сотни песен и поэм. Почти все они были записаны

стенографами, секретарями-фольклористами и неоднократно издавались отдельными книгами. Тираж произведений Джамбула на его родном и на русском языках измеряется миллионами экземпляров. Если раньше темой его поэтических импровизаций были по преимуществу воинские дела казахских батыров, круг родовых интересов и родовой борьбы, наконец, переработка казахских и вообще восточных легенд и сказок, то теперь, в советские годы, в поэтическое сознание Джамбула входит жизнь всего советского народа и даже зарубежных стран. Джамбулу читают, пересказывают газеты, книги. Джамбул сам часами слушает радио на казахском языке. Путешествия и многообразные встречи Джамбула — все это широко раздвигает его умственный горизонт.

В поэме о Ворошилове (1937 года) акын, в произведениях которого мы бы раньше никогда не встретили названий или понятий, узодивших за пределы кибитки и степи, теперь говорил:

Вселенная снова в крови и пожаре,
Повеяло запахом стали и гари.
По всей Абиссинии — жалобы вдов,
В Испании льется горячая кровь,
Маньчжурские сопки дымятся в боях,
Кровавые схватки в китайских краях,
И ночью дивятся в степи чабаны
Рубиновым Марсом — звездой войны.

По содержанию и по жанру своему песни Джамбула советских лет также значительно отличаются от его дореволюционных произведений. Джамбул мог бы в прежние годы повторить о себе слова Султана-Мухмада Торайгырова (1893—1920), одного из наиболее талантливых предреволюционных писателей-демократов Казахстана:

Живу не за тем, чтоб, посеяв цветы,
Увидеть расцвет живой красоты.
Живу, чтобы песней потомкам помочь,
Чтоб были пути их легки и просты

Но вот, наконец, наступил «расцвет жизни красоты». Именно так воспринял Джамбул победу советской власти, борьбу за социализм, и свою задачу он, как поэт, прежде всего видит в том, чтобы воспеть этот расцвет. Вот типическое построение новой советской песни Джамбула. Место прежнего запева с его легендарными и сказочными мотивами (как в поэме об Утегене) занимает обычно взгляд на прошлое:

Песни рождались в аулах степных,
Песни истерзанной рабством страны,
Песни в столетьях ползли, как пески,
Песни печали, нужды и тоски...
Семьдесят лет я сквозь слезы пел...
(„Привет народа“)

Затем идет поэтическое описание революции, пережитой казахами:

Радость моя пришла в Октябре,
Радость принес московский декрет,
Я с новой песней пришел на котан¹,
И вместе с Джамбулом запел Казахстан,
С тех пор, как юнец, я от счастья горю,
Я родине лучшие песни дарю.

Третья часть песни представляет описание того, что революция принесла народу:

Народу его навсегда отданы
Богатства великой счастливой страны.
Медь Карсакпая, свинец Кара-тау,
Долины цветущего Ала-тау,
Сокровища белой алтайской руды
И черное золото Караганды
и т. п.

(Перевод П. Кузнецова)

Наконец, четвертая, заключительная часть представляет собой здравицу в честь Сталина и его соратника Молотова. Такая здравица составляет почти обязательную концовку большин-

¹ Котан—площадь в центре аула.

ства советских песен Джамбула. Общий тон их патетический, радостный. Это оды и песни ликования, рожденные чувством великой народной победы. В «Песне о Москве» акын говорит:

Горд и счастлив я, старый Джамбул,

Мое сердце поет, как струна.

Ай, как родина хороша,
Ай, как город Москва пригож!
Замирает от счастья душа.

Недаром Джамбул называл себя «ровесником комсомола», а эпоху — «моя подруга». Он действительно был до краев полон радостью, ощущением народной силы, безграничных возможностей, какие открылись народу при социализме.

ЛЕНИН И СТАЛИН В ПОЭЗИИ ДЖАМБУЛА

В песнях о Ленине и Сталине и их соратниках Джамбул выразил любовь народа к своим вождям, те представления народа о человеческом идеале, какие в прежние времена народ вкладывал в образы своего героического эпоса.

Слово о Ленине было первым словом Джамбула после того, как после долгого перерыва снова снял он со стены кибитки свою старую, почерневшую от времени домбру, чтобы рассказать людям о тех новых мыслях и чувствах, какие родились в его душе. Ленин — это сам народ. Ленин — это олицетворение народного гения. Ленин — это символ народного освобождения. Для Джамбула Ленин — «мой», как был «моим» он и для Маяковского.

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас,
Мой Ленин, живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных!

Джамбул характеризует Ленина как освободителя угнетенных, как человека, вернувшего миллионам людей родину.

Первые песни Джамбула о Ленине, наряду с «Сами» Н. Тихонова, стихами Н. Полетаева, А. Безыменского, поэмой Маяковского «Владимир Ильич Ленин», наряду с произведениями Сулеймана Стальского, были свидетельством того, что образ Ленина для поэзии всех советских народов явился воплощением народных представлений о сущности Великой Социалистической революции.

В 1936 году, когда Джамбул приезжал в Москву, он посетил ленинский мавзолей. Это посещение произвело на него глубокое впечатление. В ряде последующих поэм («В мавзолее Ленина», «Ленин и Сталин» и др.) он неоднократно возвращается к образу Ленина.

В песне «В мавзолее Ленина» Джамбул говорит:

Я завещанье оставляю им —
Правнукам, внукам и детям своим,
И отдали сердце и каждый свой шаг
Чтоб такими, как ты, они стали
Тому, в ком пылает твоя душа,
Тому, чье имя — Сталин!

«Сталин — это Ленин сегодня» — эти слова Абри Барбюса мог бы сказать и Джамбул, потому что именно эта мысль является одной из центральных в его песнях о Сталине. В «Песне народу» акын пел:

Джамбул в мавзолее у Ленина был,
Седую голову низко склонил
И тихо шепнул ему: «Ленин, ты жив,
Ты в полном расцвете сил».
Мы в Сталине видим твои черты:
Цели немеренной высоты,
Мысли невиданной широты,
Речи неслыханной простоты...
В Сталине ожил ты!»

Мысль о Сталине, образ Сталина проходят через все произведения Джамбула последнего десятилетия. К образу Сталина он обращается всякий раз, когда говорит о сущности советского строя, о достижениях социализма, о родине, Красной Армии, о чаяниях народных.

Рассказывая о своем посещении Москвы, о том, что в Москве «по-разному речи и песни звучат, но дружбу грузин с карелом крепят, и русский казаху — брат», он заключает:

Сталин сумел народы собрать.
Братство племен и народов сковать.
Всесильна народов великая рать,
Одна у них родина — мать.

В «Песне солнцу», рисуя ликующий пейзаж счастливой советской земли, Джамбул, обращаясь к солнцу, говорит:

Ты, солнце! Улыбки твои горячи!
Ты, солнце! Подарки твои горячи.
Ты ханам, царям и владикам земли
Свои равнодушно бросало лучи...
Но Сталин душой, что тебя горячей,
Теплее твоих жизненных лучей,
Заставил тебя для народа пылать
Костром, зажигающим души людей!

Для Джамбула Сталин, к образу которого он вновь и вновь возвращается в своих поэмах и стихах, это тот внутренний свет, та любимая любовь, с которой переллегается сама поэзия.

Буду слова подбирать о нем
Только среди драгоценных камней;
Буду язык обжигать огнем
Сердца, которое горна красней;
Может, на самом краю моих дней
Как увенчанье жизни моей,
Где-нибудь блеснет меж огней
Сравнение, равное ему.

(«Родина моя». Перевод И. Сельвинского).

Так мог сказать только истинный поэт.
«Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды...» (Маяковский).

ДЖАМБУЛ КАК ХУДОЖНИК

Как ни покажется это неожиданным или парадоксальным на первый взгляд, но в поэзии Джамбула и Маяковского ухо улавливает некое внутреннее созвучие, образуемое тем, что в их поэзию устремилось одно и то же содержание, а именно победное шествие народной социалистической революции. Политическая восприимчивость, отзывчивость Джамбула придала его поэзии остроту и злободневность и невиданное для прежней народной поэзии тематическое разнообразие. Последовательно расположенные стихи Джамбула в известной мере представляют собой поэтическую летопись наших революционных дней, подобно тому, как такую же летопись образуют стихи Маяковского и Демьяна Бедного. Разумеется, искусство Джамбула выросло из совершенно других корней, нежели искусство Маяковского.

Как поэтическое явление Джамбул глубоко традиционен, и его поэтика сложилась на почве освоения и запоминания тысяч готовых речений из поэм, сказок, легенд и песен, бытовавших в народе. В произведениях советской эпохи сказочный элемент, в небольшой доле присущий дореволюционным произведениям Джамбула, совсем исчезает. Наоборот, мы наблюдаем (усиливающееся с годами) введение современной политической терминологии, уменьшение количества гипербола, прежде основного и излюбленного приема Джамбула. То-есть, перед нами картина роста и углубления в творчестве Джамбула реалистических элементов, реализма, как метода художественного изображения действительности.

Вот, например, поэма о Ворошилове — одно из крупных произведений Джамбула второй половины тридцатых годов. В ее построении мы различаем соединение традиционных приемов

и оборотов с совершенно новым ходом мысли, преобразенным самой советской действительностью. Эта поэма — жизнеописание Ворошилова и в то же время — речь о Красной Армии и опасности войны. Поэма сохраняет традиционный запев акына (к сожалению, нередко опускаемый переводчиками). Угроза войны заставляет акына «поднять взволнованный голос». Он идет: «над цепью мерцающих жемчугом гор», «над звонко кипящим в горах водопадом», «над тронутым розами яблонным садом», «над плеском арыков», «над полем, где спеет серебряный рис», и т. д. Все вступление выдержано в локальных характеристиках, понятных степному жителю. Затем акын переходит к описанию юности Ворошилова. Тут уже Джамбул обращается к другому словарю: «судьба Ворошилова — наша судьба, борьба Ворошилова — наша борьба». И все же любопытно, что Джамбул то и дело вплетает в повествование эпитеты или сравнения чисто локального характера: так, помещиков он сравнивает с баями, говорит о Ворошилове: «он рос, как весенний цветок без воды», рабочих-революционеров он называет «жигитами».

Джамбул сопровождает рассказ о Климе Ворошилове рядом отступлений в духе фольклорной традиции (например, лирическое отступление об акынах — «волшебниках слова»). Часть поэмы, посвященная роли Ворошилова в гражданской войне и строительстве Красной Армии, сопровождается напоминанием об угрозе новой войны: «Любимая родина нам дорога — мы будем рубиться на землях врага. Рубиться — и в зной, и в дожди, и в снега до полного уничтоженья врага. Чтоб Сталин, рукою потрогав усы, узнав о победе, промолвил: «Жаксы» (хорошо).

Джамбул широко вводит локальный элемент, гиперболу и гиперболический эпитет и в свои песни. Мы читаем в них: «Он разумом выше Памира и звезд» («Ленин и Сталин»), «быстрый, как тулпар», «яшмовый блеск озер», «овации горным потоком гремят», «белые лебеди в небе

плывут над стелью зеленой, как изумруд», «как крупные яхонты, розы горят», «огнем самоцветов сверкают цветы», «под твоим орлиным крылом мы живем, не зная беды», «в Москве сады — сплошной изумруд, в Москве дворцы, как в сказке, растут».

Кое-какие из приведенных примеров, повидимому, надо отнести за счет той метафорической «нарядности», которая некоторыми переводчиками привлекалась, как «восточная краска». В казахском оригинале он — точнее, проще, выразительнее и в то же время ярче по своему национальному колориту. Однако самый строй сравнений взят из подстрочников без изменений. В произведениях Джамбула последних лет мы, как сказано, наблюдаем дальнейшую эволюцию словаря Джамбула в сторону реалистической поэтики.

Сила Джамбула как художника всегда была в том, что он учился у самой жизни, чутко перенося в свое искусство то новое, чем жил и дышал народ. И это помогало Джамбулу расти вместе с жизнью, вместе со всем советским народом. Для понимания путей, по которым пошло развитие устного народного творчества в советскую эпоху, творчество Джамбула представляет первостепенный интерес, потому что оно дает яркий пример обновления, — и в идейном и в художественном смысле, — какое принесла великая эпоха социалистической революции старинному искусству устной поэтической импровизации.

ДЖАМБУЛ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Как рассказывает С. Муканов, Джамбул подъехал к дому в тот момент, когда по радио передавалась историческая речь товарища Сталина от 3 июля. Перед репродуктором собрались все родственники Джамбула. Обычно Джамбул просил громко повторять слова диктора, так как слух его уже ослаб. На этот раз он прослушал сам всю

передачу до конца. В эту же ночь Джамбул сложил песню «В час, когда зовет Сталин».

Родину Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она.
Дружбой народов она скреплена —
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня.
Вместе со Сталиным — песня моя!

Одним из первых значительных произведений Джамбула в дни Отечественной войны были его песни-послания Ленинграду и Москве. Ленинградцы не забудут сентябрьского послания Джамбула.

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рой.
Золоченых крыш острья..
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

В те дни, когда на площади Свердлова в Москве лежали подбитые «юнкеры», а враг был под Москвой, Джамбул прислал жителям столицы свое стихотворное послание. Оно исполнено глубокого, неподеленного волнения. Джамбул дает в своем послании поэтический обзор того, что представляет собой Москва в жизни всех советских народов, и заканчивает его в тоне истинно лирического волнения:

Мне ветер, мне поле — родня,
С пеленок в седле я живу.
Чуть свет, я сажусь на коня,
Поводья, как юнона, рву
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
К Москве на подмогу зову.
В Москве еще рано, светло,
Несметно проезжих число,
А здесь уже шепчет мне ночь:
«Покинь, престарелый, седло!
Ты должен и песней помочь».
И вот заодно с темнотой,
На запад я взором плыву.
Где теплится день золотой..
Колени к сырому жнитву
Джамбул преклоняет седой;
Мигает звезда в синеве,
Сверкает в речном рукаве;
Я струнную рву тетиву,
Я звоном пугаю сову
И песню творю о Москве —
Москве. Для Москвы. О Москве.

Обращения Джамбула к «Советскому воину», «Советским гвардейцам», его стихи о Сталинграде, о Воронеже, «Ответ сыну», «На смерть сына», «Светлый праздник наш недалек», «Дружба народов» и многое другое — все это замечательные памятники великого патриотизма и великого сердца,

Несколько песен Джамбул посвятил детям своим, находившимся в рядах Действующей армии. Один из младших сыновей его, Алгадай, сражался под Сталинградом.

Алгадай оказался бесстрашным и славным воином, достойным сыном своего отца. Он был пулеметчиком, и в газете «Сталинский воин» не раз помещались заметки о его боевых делах. 22 февраля 1943 года Алгадай погиб в бою под городом Синельниково.

Когда престарелему акыну сообщили о гибели сына, слеза скатилась по его изборожденному морщинами лицу. Но после долгого молчания, он взялся за домбру и ответил гостям песней:

За родину смерть — продолжение жизни,
Пример молодым, как стоять за отчизну.
И клятву свою Алгадай оправдал.
Без страха за родину смерть он принял.
Он сыном народа отважного был,
Который извечно отважным слыл.

Песни, сложенные Джамбулом во время Отечественной войны, составили целую книгу, вышедшую отдельным изданием и на русском языке. В ней запечатлены события войны, великих народных подвигов. В ней нашли выражение патриотический подъем народной энергии, замечательным образом разгоревшейся в человеке, прожившем целое столетие.

В начале 1945 года силы Джамбула начали сдавать. Весть о полной победе над Германией снова всколыхнула великого акына. 9 мая 1945 года он попросил домбру и сложил песню в честь любимого Сталина, в честь одержанной нашими народами всемирно-исторической победы. Это была последняя песня Джамбула.

Когда Джамбул был на Кавказе, то в Махач-Кала он спел песню о Сулеймане Стальском, другом замечательном ашуге советской эпохи. Он сказал о нем: «Сулейман умер, но песням его смерть не страшна. Они бессмертны, как народ, в глубине которого рождались».

Джамбул — истинно народный певец. А песня народа — бессмертна.

Издательство „Литературная газета“

Редактор Е. К о в а л ь ч и к

Сдано в набор 16/II подл. к печ. 13/IV 1946 г.
печ. л. 1; авторск. л. 1,4; ф. б. 70 × 85 ¹/₃₂

A04418 Тир. 50000. Зак. 285

Типография Изд-ва ГУСМП.
